
Аксиологическая и личностно-ориентированная основа сотрудничества и взаимодействия субъектов образовательной среды

Axiological and Person-Oriented Basis for Cooperation and Interaction of Subjects of the Educational Environment

Пандемия COVID-19, рациональность выбора и моральные дилеммы

Первушин Н.С.

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск,
Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>; e-mail: nickd17@yandex.ru

В своей статье автор описывает пандемию COVID-19 как уникальную ситуацию мирового масштаба, которая вывела ряд вечных вопросов из плоскости философско-умозрительной в максимально практическую. Фактически, сделала вопросом «жизни и смерти» для каждого человека. В первую очередь, это вопрос морального выбора в ситуации с высокой степенью неопределенности — между личной свободой и личными ограничениями ради блага других людей. Также в статье проанализированы стратегии борьбы с пандемией COVID-19 в разных странах и последствия их реализации в отношении моральных дилемм. На основе анализа международного опыта обсуждаются психологические особенности введения ограничений и внешнего государственного и общественного контроля (как примеры реализации универсального рационального подхода). Автором учитываются накопленные за два года данные социально-экономической статистики (избыточная смертность, валовый внутренний продукт и пр.), которые показывают, что в контексте пандемии рациональный конструкт, предусматривающий отказ граждан от части личных свобод ради общественного блага, предпочтительнее эмпирического, при котором людям дается право самим делать моральный выбор — отказываться от свобод или нет. В то же время автор приходит к выводу, что, наравне с плюсами, рационализация может нести в себе минусы. А именно: долгосрочные риски, связанные с постепенным отказом общества от личных свобод и демократии и возвращением к авторитарному устройству.

Ключевые слова: моральная дилемма, моральный выбор, рациональность, рациональность выбора, дилемма заключенного, свобода, безопасность, принятие решений, COVID-19.

Для цитаты: Первушин Н.С. Пандемия COVID-19, рациональность выбора и моральные дилеммы [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2023. Том 20. № 3. С. 102–115. DOI:10.17759/bppe.2023200308

COVID-19 Pandemic, Rationality of Choice and Moral Dilemmas

Nikolay S. Pervushin

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>; e-mail: nickd17@yandex.ru

In his article, the author describes the COVID-19 pandemic as a unique situation on a global scale, which has brought a number of eternal questions from the philosophical-speculative plane to the most practical. In fact, it made it a matter of “life and death” for every person. First of all, this is a question of moral choice in a situation with a high degree of uncertainty — between personal freedom and personal restrictions for the benefit of other people. The article also analyzes strategies to fight the COVID-19 pandemic in different countries and the consequences of their implementation in relation to moral dilemmas. Based on an analysis of international experience, the psychological features of the introduction of restrictions and external state and public control (as examples of the implementation of a universal rational approach) are discussed. The author takes into account socio-economic statistics accumulated over two years (excess mortality, gross domestic product, etc.), which show that in the context of a pandemic, a rational construct, which provides for the renunciation of some personal freedoms by citizens for the sake of the public good, is preferable to an empirical one, in which people they are given the right to make their own moral choice - to renounce freedoms or not. At the same time, the author comes to the conclusion that, along with the advantages, rationalization can have disadvantages. Namely: long-term risks associated with society’s gradual abandonment of personal freedoms and democracy and a return to an authoritarian system.

Keywords: *moral dilemma, moral choice, rationality, rationality of choice, prisoner’s dilemma, freedom, safety, decision-making, COVID-19.*

For citation: Pervushin N.S. COVID-19 Pandemic, Rationality of Choice and Moral Dilemmas. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2023. Vol. 20, no. 3, pp. 102–115. DOI:10.17759/bppe.2023200308 (In Russ.).

Пандемия как плодородная почва для изучения моральных дилемм

Пандемия COVID-19 стала серьезным вызовом для отдельных людей, государств и человечества в целом. Продолжающаяся ситуация риска и неопределенности ставит людей и государства перед необходимостью делать множество выборов и отвечать на множество вопросов. Стоит ли закрывать границы? Стоит ли ограничивать свое перемещение и общение ради безопасности себя и других? Можно ли заменить работу и учебу оффлайн на дистанционный формат? Стоит ли ограничить свою досуговую активность, чтобы не участвовать в распространении вируса? Стоит ли носить маску, если окружающие пренебрегают карантинными мерами? Можно ли ограничивать человека в правах и свободах, если он не вакцинирован?

Если перечисленные выше ситуации содержат в себе «моральный конфликт», подразумевающий невозможность выявить приоритет одного из двух моральных соображений, то они являются моральными дилеммами [16; 25]. Широко распространены исследования, в которых респондентам предлагается сделать моральный выбор из двух альтернатив: нажать на кран переключе-

ния движения и спасти пять человек в вагонетке ценой жизни человека, идущего по путям, или наблюдать за смертью пятерых, не обрекая одинокого пешехода на гибель и не взваливая на себя груз ответственности; столкнуть толстяка, чтобы остановить трамвай, который убьет 10 человек, или не вмешиваться и смириться со смертью 10 несчастных и пр. Среди таких задач есть и близкие к теме статьи [15]. Например, Д. Канеман и А. Тверски предлагают испытуемым задачу об «азиатской болезни»: спасти 200 человек из 600 зараженных, применяя схему А, или иметь шанс спасти все 600 с вероятностью 1/3 или привести к гибели всех 600 с вероятностью 2/3, применяя схему Б [8]. Другую задачу предложили белорусские исследователи: 6 человек заразились страшным вирусом, но у одного есть иммунитет и из его тела можно сделать лекарство, чтобы спасти пятерых, поэтому респондентам предлагается выбрать: спасти пятерых, убив одного, или оставить все как есть [9]. Для анализа факторов предпочтения того или иного морального выбора проводятся психологические, экономические и междисциплинарные исследования, изучается при помощи МРТ-технологий работа мозга в процессе принятий решений и пр. [19]. В результате выявляются рациональные, эмоциональные, социальные и иные факторы, влияющие на моральный выбор. Тем не менее, у данного направления исследований есть существенная проблема: респондентам предлагается достаточно маловероятная ситуация, которая похожа скорее на выбор героя какого-нибудь художественного произведения, используемый автором для раскрытия характера (например, «Выбор Софи») [3]. Ответ испытуемого проективен и может носить социально одобряемый характер, приближаться к норме, которая принята в том или ином обществе. В конечном счете, мы не знаем, как респондент повел бы себя, на самом деле оказавшись в ситуации, когда за пару секунд нужно решить, кому жить, а кому нет. Пандемия, принеся человечеству массу горя и испытаний, дала исследователям богатый материал, который иллюстрирует выборы человека в актуальной реальности. Мы можем наблюдать, как разные страны интерпретируют угрозу вируса и какие ограничительные меры вводят, как эти меры соблюдаются или не соблюдаются, как люди готовы ограничивать себя ради безопасности других и как пренебрегают даже своим здоровьем представители групп риска. Эти выборы в разных случаях могут выступать или не выступать в качестве моральных дилемм.

Исследователи рассматривают множество ситуаций в контексте пандемии, которые можно интерпретировать как моральные дилеммы: должны ли врачи рисковать собственной жизнью ради спасения жизни пациентов, должны ли они иметь приоритет в обеспечении защитными средствами, нужны ли локдауны, нужно ли отдавать приоритет в лечении молодым и более здоровым, по каким критериям сортировать зараженных, нужно ли отслеживать контакты зараженного в ущерб его частной жизни, нужно ли передавать медицинские ресурсы, вакцины и средства индивидуальной защиты в другие страны из соображений «беспристрастной благотворительности», можно ли тестировать разные способы лечения на зараженных и др. [22; 28; 30; 35; 42; 43].

Центральное внимание во многих работах отводится моральным дилеммам, с которыми может сталкиваться медицинский персонал, а также политике государства в отношении пандемии [22; 28; 30; 35; 42; 43]. Отмечается, что врачи находятся в трудной ситуации, которая может сопровождаться тяжелым бременем ответственности за моральные решения и негативными психологическими последствиями при отсутствии ясных алгоритмов действия [42; 43]. Применение утилитаристских (по своим последствиям) принципов в отношении локдаунов, сортировки пациентов (в том числе для вентиляции легких) и отслеживания контактов приводило к снижению доверия правительству / политическим лидерам (люди настроены против «инструментального вреда», подразумевающего жертвование одними людьми ради спасения других) [28].

Так, например, доверие к Д. Трампу снизилось на фоне его мнения, что «лекарство не должно быть хуже самой проблемы», и соответствующей утилитаристской политики в отношении локдаунов [28]. В Италии недовольство общественности вызвало утилитаристское предпочтение молодых пациентов пожилым при дефиците ИВЛ [28]. В то же время обеспечение средствами защиты и медицинской помощью населения других стран приводило к увеличению доверия пра-

вительству / политическому руководству («беспристрастная благотворительность», означающая максимизацию благополучия всех) [28]. При этом доверие к правительству означало исполнение вводимых ограничений [28]. Тем не менее, не только политики и медики сталкивались с вызовами пандемийной реальности, но и практически все жители Земли. В данной работе мы фокусируемся на том, как обычные жители разных стран выбирали соблюдение (ограничение своих свобод для общей безопасности) или несоблюдение защитных мер (во имя свободы собраний, перемещения, слова и пр.), учитывая различную строгость этих мер и контроль за их выполнением.

Рационалистский и эмпирический подходы к моральным дилеммам в контексте пандемии COVID-19

Можно говорить о двух основных подходах к моральным дилеммам [31]. Рационалисты (А. Донаган, Д. Дэвидсон, Фома Аквинский, Г. Беккер, Дж. Харсани и пр.) согласны с тем, что перед человеком могут возникать ситуации непростого морального выбора, но такие муки выбора не означают противоречивости внутри самой системы морали [16; 19]. Всегда есть механизм (критерий), который определяет какая из двух альтернатив должна быть приоритетной, и рациональный человек в состоянии его применить. При этом выбор должен быть направлен на максимизацию интересов тех, для кого принимаемое решение наименее выгодно («принцип максимина») [24; 33]. Принимающий решение должен руководствоваться соображением, что может оказаться на месте любого члена общества, которого будет касаться выбор («вуаль незнания») [39]. Все это означает, что в данном подходе моральных дилемм не существует, а руководствоваться надо исключительно рациональностью, так как разум никогда не ошибается. В таком случае после, по сути, очевидного выбора не должно возникать сожалений [16; 27].

Однако рационалистский подход рассматривает скорее «человека экономического», а в реальном мире люди часто руководствуются аффектами, традициями и ценностями своей культуры; на них могут влиять личностные характеристики, личный опыт и пр. Другое направление критики рационалистов со стороны эмпиристов (Сартр, Макинтайр, Хаузер, Уильямс и пр.) — непротиворечивость моральных принципов внутри одной системы [12; 18]. А. Макинтайр в работе «После добродетели» убедительно иллюстрирует ситуации, когда нельзя применить универсальный моральный принцип (одновременная необходимость быть пацифистами, но быть готовым применять военную силу; женщины свободны в праве на аборт, но никому не хотелось бы быть жертвой этой процедуры; человек знает о предстоящих событиях на бирже, которые приведут к разорению благотворительного фонда, и может помочь, сообщив инсайдерские данные, но эту информацию нельзя разглашать и пр.) [12]. Эмпиристы констатируют, что в реальности встречаются ситуации морального выбора, когда ни одна из моральных альтернатив не оказывается универсально доминирующей [34]. Поскольку в мире людей отсутствует универсальный рациональный рейтинг приоритетности моральных принципов, то выбор человека становится моральным, и его последствием может быть сожаление от предпочтения одного морального принципа другому (может все-таки нужно было сделать иначе?) [16].

Разные страны использовали различные стратегии, направленные на уменьшение последствий пандемии. По-разному интерпретировалась угроза, необходимость введения ограничений и их строгость [23]. В каких-то странах люди четко и ответственно соблюдали вводимые ограничения, а где-то лишь номинально. Где-то был введен жесткий внешний государственный или общественный контроль за соблюдением новых правил поведения, а где-то он существовал лишь формально. Тем самым выстраивались разные социальные рамки для поведения человека и принятия им решений, связанных с ситуацией пандемии. Нас интересует, как разные страны реагировали на ситуацию пандемии и те последствия, к которым эти реакции привели.

Большинство европейских стран, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, многие страны Дальнего Востока (Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур, Малайзия и пр.) вводили строгие меры в борьбе с распространением коронавируса [37]. Пандемия была обозначена как действитель-

но опасное явление, требующее внесения заметных перемен в привычном образе жизни и ограничения части привычных свобод и практик. При этом суровым был и контроль со стороны государства. Для восточных стран близки идеалы коллективизма, приоритета общественного над индивидуальным, в их этосе присутствует иерархичность, важность долга и понятие «потери лица». Кроме того, в этих странах уже был опыт введения карантинных мер (атипичная пневмония) и распространены практики ношения масок и респираторов. Поэтому не столь удивительны принятие ограничений и готовность следовать им. Минимальна и протестная активность. Напротив, в Японии, например, были протесты, связанные с недовольством тем, что проведение Олимпиады и мероприятия вокруг этого события может ухудшить эпидемиологическую обстановку в стране. Меры, которые носили рекомендательный характер, на деле здесь оказывались общим правилом. В этом смысле не вполне верно говорить, что в Японии, Корее и других азиатских странах антиковидные меры носили умеренный характер (в отсутствие локдауна люди постоянно носили маски, избегали личных контактов и массовых мероприятий, соблюдали социальную дистанцию) [37].

Для западного мира такие меры оказались новыми, но, тем не менее, и здесь наблюдался достаточно строгий порядок их соблюдения (хотя по всей Европе регулярно шли антипрививочные протесты). Для западного человека важнейшее значение имеет ценность свободы и возникает противоречие между ее реализацией (свобода перемещений, действий, собраний, распоряжения своим телом и др.) и безопасности (своей, своих близких, общества). В данном случае выбор каждого отдельного человека носит скорее не моральный, а рациональный характер. Опасность для жизни характеризуется медиа и властями как высокая, а исполнение требований является практически неизбежным. Когда премьер-министр Великобритании Б. Джонсон участвует в вечеринке на фоне введения запрета, это воспринимается как пятно на репутации политика, и к нему могут быть применены санкции.

Никто не удивился, что актер Б. Уиллис, зашедший в аптеку без маски, был изгнан из-за пренебрежения правилами и безопасностью других. Не выглядят шокирующими ситуации с баскетболистом К. Ирвингом и теннисистом Н. Джоковичем, которым запрещают принимать участие в соревнованиях из-за принципиального отказа вакцинироваться. Новая реальность подразумевает новые варианты и формы поведения. Когда человек знает, что общество приняло правила и санкции за их несоблюдение, то рациональным выбором является следование этим правилам, даже при наличии сомнения в их адекватности. Нарушители правил могут столкнуться с морализаторством со стороны окружающих, которое обеспечивает негосударственный механизм выполнения требований [30].

Ситуация аналогична дилемме заключенного, в которой подозреваемым наиболее выгодно всем молчать и не выдавать подельников одновременно [38]. Г Беккер отмечает, что исполнение или нарушение моральных норм обусловлено соотношением риска попасться, умноженным на суровость санкций, и ожидаемыми выгодами [21]. К. Байер разработал концепцию, согласно которой рациональность — социальный феномен [5]. По его мнению, рациональность — не индивидуальная черта, а общая директива, установленная в определенном обществе, сформированная из общеразделяемых принципов и способствующая достижению целей человека и общества [20]. Человек получает наибольшую выгоду, действуя в соответствии с принятыми в обществе моралью и правилами. Люди вынуждены жить с ограничениями (аналог минимального срока при молчании всех для дилеммы заключенного), но они знают, что эти ограничения для всех и никакой особой выгоды в их нарушении не будет. К тому же теоретически всеобщее ограничение должно вести к меньшему числу жертв, снижению вероятности заразиться и заразить и более быстрому выходу из пандемии и состояния жизни с заметным ограничением свобод. При следовании всем рекомендациям не должно возникать укоряющих мыслей о том, что «я виноват, из-за меня кто-то заразился». Альтернатива не имеет смысла, моральной дилеммы как таковой здесь не возникает. Возможно, и для многих представителей восточных культур ключевую роль в следовании правилам играет рациональный выбор, а не черты и этос культуры.

В рассмотренных выше странах используется (социальный) рационалистский подход к решению дилемм во время пандемии вместо совокупности непрекращающихся индивидуальных выборов, продиктованных индивидуальными рациональностями¹. Это напоминает описание появления государства в знаменитой работе Т. Гоббса «Левиафан». В естественном состоянии человечества происходит «война всех против всех» [4]. В состоянии пандемии каждый человек — потенциальная угроза для всех остальных. У каждого свои желания и мотивы для действий. Если действовать, игнорируя контекст пандемии, мир быстро станет еще более опасной и рискованной средой для жизни. Но люди хотят выживать и поэтому передают суверену (государству) часть своих прежних свобод в обмен на большую безопасность и надежду на более быстрый выход из пандемийной реальности в прежнее состояние. Примечателен тот факт, что данный общественный договор был заключен как в странах, где велика роль национального государства (Китай, Япония, США и пр.), так и в тех, где роль государства заметно падала вследствие процессов глобализации (страны Европейского Союза).

В первой половине 2020 г. в России, многих странах бывшего советского лагеря, Латинской Америке, ЮАР и пр. номинально позиция была сходной с той, о которой мы говорили в отношении стран Запада и Дальнего Востока [37]. В период первой волны эпидемии в России (с марта по май 2020 г.) меры были близки к тем, что наблюдаются, например, в странах Евросоюза. Действительно, власти следили за соблюдением масочного режима, ограничивали передвижение, перевели значительную часть населения на удаленные работу и учебу. Некоторые меры выглядели откровенно избыточными (введение справок с уважительными причинами для входа в университет, запрет на прогулки и пр.). Тем не менее, суровые меры привели к серьезному отношению со стороны населения: люди формировали запасы продуктов, редко выходили на улицу и в общественные места, не стремились к оффлайновому формату взаимодействия; освоили дистанционные технологии. Это дало относительно невысокие показатели заболеваемости и смертности в первую волну пандемии. В этот период действия властей способствовали рациональному выбору россиян следовать вводимым правилам и ограничениям ради безопасности себя и близких (как в западных и дальневосточных странах).

После конца первой волны такие жесткие ограничительные меры уже больше не вводились, хотя вторая и третья волны пандемии наносили стране гораздо больший ущерб в плане количества жертв опасного вируса. Сложно сказать, с чем именно связано нежелание властей транслировать алармистский дискурс и вводить локдауны: с политическими рисками перед разного рода голосованиями или же экономическими проблемами [14]. С июня 2020 г., когда пандемия продолжалась, государственные СМИ и президент сообщали о победе России над коронавирусом с минимальными потерями. Присутствовали заявления о необходимости продолжения масочного режима, сохранения социальной дистанции и пр., но контроль за соблюдением этих правил отсутствовал. В результате проводились концерты и мероприятия (концерт рэпера Басты, праздник «Алые паруса», праздничный концерт в честь годовщины воссоединения Крыма с Россией и пр.); происходил возврат к оффлайновому формату обучения.

В таких условиях ограничение свобод в виде ношения маски, когда практически все вокруг пренебрегают этой мерой; непосещение массовых мероприятий, отказ себе в определенных формах досуга, в пространственной мобильности, в широком оффлайновом социальном взаимодействии становятся не столько рациональной стратегией поведения, которая разделяется в обществе и приносит максимальную пользу всем ее членам, сколько моральным выбором каждого отдельного человека. И здесь уже каждый решает, как ему лучше поступать и что предпочесть:

¹ По Байеру, индивидуальная рациональность укоренена в предпочтительных для актора чертах действия, не зависит от действий других, не зависит от действий других в схожих условиях, не подкреплена социальными санкциями [5; 20].

безопасность себя и близких или свободу действий, перемещений, общения². Моральный выбор впоследствии может сопровождаться сожалением и чувством вины (стремление к свободе и насыщенной социальной жизни могло привести к заражению и болезни близкого человека).

По-видимому, в отсутствие внешнего контроля люди делают разные выборы, используя разные рациональности, а не единую и универсальную социальную. В ситуации ношения масок, например, это играет важную роль: если из трех человек маска только на одном, то она защищает не его, а лишь от него; сам же носитель масок никаких выгод не приобретает — это скорее его моральный выбор. Показательны ситуации, когда в студенческой аудитории или общественном транспорте маски надевают 2–3 человека, хотя формально это должны делать все³ [10]. И все знают, что с огромной вероятностью никаких санкций (даже вербальных) не будет⁴. Подобное наблюдается в России и в других ситуациях (неправильный выгул собак, курение в неположенных местах, разведение костров и пр.). Это отсылает нас к представлениям экзистенциалистов о том, что в любых обстоятельствах человек может выбирать быть свободным от окружающего общества или нести ответственность и за себя, и за окружающих. Кроме того, это показывает разное понимание свободы в разных обществах (например, свобода, которая ограничена свободой других, или свобода как вольность) [2; 7].

Вместе с тем, рекордные со времен Великой Отечественной войны показатели смертности в России приводят российские власти к идее о необходимости вакцинировать как можно большую часть населения. Мы наблюдаем проблему: без внешнего принуждения вакцинироваться хочет недостаточный процент населения РФ⁵. Замена коллективного рационального выбора на множество индивидуальных решений моральных дилемм приводит к обесцениванию ситуации пандемии и ее угрозы. Поэтому так заметны в медиапространстве голоса противников вакцинации и введения QR-кодов и так сложно убедить непривитых в необходимости вакцинироваться. Интересно, что логически вакцинация не является столь противоречивой: она призвана давать и свободу, и большую безопасность как для индивида, так и для общества, но именно она вызывает столько ожесточенных споров и критики в среде без прежнего общественного договора в отношении пандемии COVID-19.

Наконец, мы не рассмотрели бедные страны, где жители обеспокоены вопросами повседневного выживания и пандемия не вносит особых изменений в их образ жизни.

Сложно говорить о том, что люди из этих государств оказались в какой-то новой реальности, которая предлагает вызовы и требует универсально рациональных или индивидуальных моральных решений. Здесь очевидно, что существует глобальное неравенство в возможности применения карантинных мер и спасения путем массовой вакцинации и обеспечения лекарствами.

² В этом контексте интересен пример Швеции, где в самом начале пандемии был проведен референдум по поводу необходимости введения жестких карантинных мер. Жители скандинавской страны решили, что важнее сохранить прежний образ жизни, экономику и психологическое состояние. Ниже мы увидим, что такой общественный договор уступает в своей эффективности общественному договору, когда суверен отвечает за безопасность (табл. 1).

³ Исследователи МГППУ обнаружили, что во время пандемии студенты в большей степени думали о личном дискомфорте от ношения масок, а не боялись заразиться или заразить других [10].

⁴ К. Кабанов отмечает, что нормы должны быть сформулированными, общеобязательными и юридически гарантированными [7]. Из этого можно заключить, что карантинные меры не могут восприниматься как нормы, если их не контролируют, если нет санкций, если они не являются всеобщими.

⁵ Есть и другие факторы, препятствовавшие вакцинации: недоверие властям, недоверие к отечественной науке и медицине, конспирологическое мышление, коррупция, двойные послания в медиа и пр. [14].

Последствия реализации рационалистского и эмпирического подходов к моральным дилеммам в контексте пандемии COVID-19

Обратимся к таблице 1 и рассмотрим последствия реализации анализируемых стратегий борьбы с пандемией. В таблице использованы данные Our World in Data, International Monetary Fund, Johns Hopkins University of Medicine. Для оценки стратегий используются следующие показатели: количество смертей от коронавируса на 1 млн. чел., избыточная смертность на 1 млн. чел., уровень «полной» вакцинации, динамика ВВП (ППС) 2020 г. к 2019 г. и 2021 г. к 2020 г., психологические проблемы, вызванные пандемией и ограничительными мерами [26; 29; 37; 40]. Представленный в таблице набор стран — скорее иллюстрация двух рассматриваемых подходов (Россия, Украина, Грузия, Болгария, Бразилия, ЮАР — умеренные карантинные меры и необходимость постоянного решения моральных дилемм; Франция, Германия, Дания, США, Сингапур, Южная Корея, Китай, Япония — строгие меры и рационалистский подход). При оценке строгости коронавирусных ограничений в той или иной стране мы ориентировались на Индекс сдерживания и здоровья, состоящий из 13 компонентов: закрытие школ, закрытие рабочих мест, отмена массовых мероприятий, ограничения на массовые собрания, закрытие общественного транспорта, требования оставаться дома, компании по информированию, ограничения внутренних и международных перемещений, политика тестирования, степень отслеживания контактов, масочный режим, политика в отношении вакцинации [32; 37].

Табл. 1. Страны с разными подходами к борьбе с пандемией и их некоторые социально-экономические характеристики

Страна	Жесткость ограничительных мер	Смерти от коронавируса (на 1 млн. населения) к 13.01.2022	Избыточная смертность (на 1 млн. населения) с 5.01.2020 по 31.12.2021	Уровень (%) «полной» вакцинации (на 12.01.2022)	Динамика ВВП (ППС) 2020 г. к 2019 г. (%)	Динамика ВВП (ППС) 2021 г. к 2020 г. (%)
Россия	Умеренная	От 2188 до 7045	7183	46,31	–1,8	5,56
Украина	Умеренная	2414	3017	33,31	–2,85	5,68
Грузия	Умеренная	3880	1903	31,82	–5	5,48
Болгария	Умеренная	4612	7946	27,14	–3	6,7
Швеция	Умеренная	1491	892,77	75,16	–1,74	4,24
Германия	Высокая	1387	999	73,19	–3,41	4,54
Франция	Высокая	1825	1119	75,36	–6,88	7,09
Дания	Высокая	593	160	82,11	0,87	4,36
США	Между умеренной и высокой	2554	2734	63,73	–2,24	8,52
Бразилия	Умеренная	2994	3381	70,62	–2,9	5,55
ЮАР	Умеренная	1692	4296	29,54	–5,38	8,71
Китай	Очень высокая	3,4	—	88,36	3,57	10,19
Япония	Высокая	147,2	96	78,26	–3,43	5,14
Южная Корея	Высокая	122	97	85,24	0,34	5,13
Сингапур	Высокая	143	95	85,39	–4,28	7,14

Кроме того, учитывались качественные характеристики антиковидных мероприятий (например, отслеживание зараженного, его перемещений, контактов и пр.; штрафы; общественный контроль; рекомендации или требования носить маски на улице и пр.) и государственный дискурс в отношении COVID-19 (Китай — нулевая терпимость, Бразилия — критика карантинных мероприятий).⁶ В странах с высокой и очень высокой жесткостью ограничений смертность от коронавируса и избыточная смертность на 1 млн. человек заметно ниже, чем в странах с умеренной жесткостью карантинных мер. Несколько выделяется Швеция, где карантинные меры были слабее других развитых европейских государств: смертность достаточно низкая (на общем фоне), но на фоне соседней Дании она в разы больше. В странах с умеренной жесткостью ограничений меньше вакцинированных (исключение — Швеция). Низкий уровень вакцинации ведет к большим потерям и более долгому выходу из пандемийной реальности.

При этом, рассматривая простейший экономический показатель — динамику ВВП (ППС), — мы видим общие закономерности: в 2020 году все экономики (кроме Дании, Южной Кореи и Китая) падали, а в 2021 г. — росли. По крайней мере на этих (нерепрезентативных) данных не обнаруживается какой-то связи между жесткостью ограничений в стране и динамикой ВВП (ППС). Получается, что высокую смертность нельзя оправдать тем, что это привело к спасению экономики. Понятно, что существует множество других экономических показателей, требующих дальнейшего сопоставления (инфляция, уровень безработицы, уровень доходов и пр.).

Если рассматривать психологические последствия пандемии, то негативные явления в виде роста тревожности, панических состояний, депрессий наблюдаются практически везде (и в Китае, и в Швеции, и в России, и в Германии) вне зависимости от серьезности вводимых ограничений [6; 11; 13; 36; 41].

Заключение

В результате получается, что принятие и соблюдение общественного договора и ориентация на универсальную общеразделяемую рациональность в своих действиях в период пандемии — более выигрышная стратегия: больше людей вакцинируется, меньше умирает, экономические показатели и психологические последствия схожи. Очевидно, что на рассматриваемые последствия пандемии влияет и ряд других факторов: система здравоохранения, экономические условия, опыт столкновения с подобными кризисами, доверие правительству, здоровье населения, демографическая структура, плотность населения, культурные и религиозные особенности, государственный дискурс в отношении пандемии и пр. Нельзя говорить о том, что жесткие меры обязательно приводят к более эффективной борьбе с COVID-19. Кроме того, для установления статистически значимых связей необходимо более масштабное исследование, которое продолжит данную разведывательную работу. Тем не менее, меньшие возможности для морального выбора приводят к тому, что человек следует рекомендациям и как таковой дилеммы для него не возникает; его поведение при этом более прогнозируемо. Как и для врачей, для обычных людей столкновение с моральными дилеммами — тяжелое испытание, ведущее к неоптимальным решениям и стрессовым состояниям [43]. В условиях отсутствия строгих мер и/или контроля за их выполнением многие могут прибегнуть к игнорированию всего связанного с COVID-19, что, с одной стороны, дает возможность избежать морального выбора, а с другой — способствует распространению вируса.

Принципиальным вопросом остается вопрос границы передачи части прав и свобод суверену ради чувства безопасности. По мнению Э. Фромма, современный человек склонен к отказу от свободы, которая его тревожит и тяготит, что может привести к отказу от демократии в пользу

⁶ Нужно осознавать, что данные в таблице, почерпнутые из официальных источников, могут иметь определенные отличия от реальной ситуации (например, из-за желаний властей той или иной страны приукрасить ситуацию; могут использоваться разные методики подсчета и пр.).

диктатуры и подавлению индивидуальности ради комфорта и безопасности [17]. Не является ли добровольное ограничение себя путем следования новым правилам шагом к обществу тотального контроля? Возможно ли жертвовать свободой ради безопасности? При этом и свобода, и безопасность относятся не только к отдельному индивиду, но и к обществу в целом: чье-то пренебрежение карантинными мерами из-за принципиального нежелания подчиниться новому порядку может ограничивать свободы и безопасность других, создавать реальную угрозу заражения. И, наоборот, стремление к тотальной безопасности может рождать меры, ограничивающие свободы и права всех членов общества с неизвестными долгосрочными перспективами.

Глобализация несет в себе все новые риски, которые будут ставить человека и власти в ситуацию принятия новых важных решений, поэтому определение уровня допустимого ограничения свободы ради общей безопасности — один из важнейших вопросов, требующих рефлексии с самых разных флангов общественной мысли [1].

Литература

1. *Алексина Т.А.* Этика глобализирующегося мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2013. № 3. С. 64–74.
2. *Апресян* Р.Г.* Свобода: опыты осмысления и переживания [Электронный ресурс] // Этическая мысль, 2017. Том 17. № 1. С. 56–69. doi:10.21146/2074-4870-2017-17-1-56-69
3. *Винкельман А.М.* Ложные дилеммы моральной философии: о романе У. Стайрона «Выбор Софи» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Том I. № 2. С. 187–198.
4. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991.
5. *Грановская О.Л.* Исайя Берлин и неогоббсианство: интерпретация публичной рациональности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 194–196.
6. *Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Бойко О.М., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю.* Принятие моральных решений во время пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 22–43. doi:10.11621/vsp.2020.04.02
7. *Кабанов К.В.* Особенности реконструкции ситуации морального выбора, осуществляющегося в сферах социального взаимодействия, регулируемые разными нормативными системами [Электронный ресурс] // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. № 2-3. С. 96–111. doi:10.26653/2076-4685-2018-2-3-08
8. *Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Том 24. № 4. С. 31–42.
9. *Комкова Е.И., Конон С.Н.* Иррациональность выбора в зависимости от свойств личности студентов разных специальностей // Инновационные образовательные технологии. 2016. № 2 (46). С. 31–36.
10. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Толстых Н.Н.* Нормативное поведение в ситуации пандемии COVID-19: как добиться его соблюдения у студентов? [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 198–221. doi:10.17759/sps.2021120113
11. *Луковцева З.В.* Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 13–25. doi:10.17759/sps.2020110402
12. *Макинтаир А.* После добродетели: исследования теории морали. М.: Екатеринбург, 2000.
13. *Переушина О.Н., Шабалин А.П.* Пандемия COVID-19: обзор первых публикаций [Электронный ресурс] // Reflexio, 2020. Том 13. № 2. С. 5–29. doi:10.25205/2658-4506-2020-13-2-5-29
14. *Переушин Н.С.* «Двойные послания» (double bind) в российских медиа в период эпидемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Reflexio. 2020. Том 13. № 2. С. 44–65. doi:10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65

* Внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

15. Поддьяков А.Н., Пляскина А.С. Инициативная саморефлексия при решении моральной дилеммы (на материале задачи «Азиатская болезнь») // Мир психологии. 2018. № 3. С. 96–104.
16. Разин А.В. Моральные дилеммы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 2. С. 66–82.
17. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989.
18. Хаузер М. Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008.
19. Шабалин А.П., Первушина О.Н. Проблема морального выбора: междисциплинарный подход // Reflexio. 2017. Том 10. № 2. С. 37–56.
20. Baier K. The Rational and the Moral Order. The Social Roots of Reason and Morality. Chicago, 1995.
21. Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76(2). P. 169. doi:10.1086/259394
22. Carron R., Blanc N., Brigaud E. Contextualizing sacrificial dilemmas within Covid-19 for the study of moral judgment // PLOS ONE. 2022. Vol. 17(8). doi:10.1371/journal.pone.0273521
23. Chater N. Facing up to the Uncertainties of COVID-19 // Nature Human Behaviour. 2020. Vol. 4(5). P. 439. doi:10.1038/s41562-020-0865-2
24. Chorus C.G. Models of moral decision making: Literature review and research agenda for discrete choice analysis // Journal of Choice Modelling. 2015. Vol. 16. P. 69–85.
25. Christensen J.F., Gomila A. Moral dilemmas in cognitive neuroscience of moral decision-making: A principled review // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2012. Vol. 36. P. 1249–1264.
26. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) // The Johns Hopkins Coronavirus Resource Center. URL: <https://origin-coronavirus.jhu.edu/map.html> (Accessed 14.01.2022).
27. Donagan A. The Theory of Morality. Chicago: The University of Chicago Press, 1977.
28. Everett J.A.C. et al. Moral dilemmas and trust in leaders during a global health crisis // Nature Human Behaviour. 2021. Vol. 5(8). P. 1074–1088. doi:10.1038/s41562-021-01156-y
29. Excess mortality during COVID-19 // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/excess-mortality-covid> (Accessed 14.01.2022).
30. Francis K., McNabb C. Moral Decision-Making During COVID-19: Moral Judgements, Moralisation, and Everyday Behaviour // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 12. doi:10.3389/fpsyg.2021.769177
31. Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D., Darley J.M., Cohen J.D. The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment // Neuron. 2004. Vol. 44(2). P. 389–400. doi: 10.1016/j.neuron.2004.09.027
32. Hale T., Angrist N., Goldszmidt R. et al. A global panel database of pandemic policies (Oxford COVID-19 Government Response Tracker) // Nature Human Behaviour. 2021. Vol. 5. P. 529–538. doi:10.1038/s41562-021-01079-8
33. Harsanyi J. Can the Maximin Principle Serve as a Basis for Morality? A Critique of John Rawls's Theory // American Political Science Review. 1975. Vol. 69(2). P. 594–606. doi:10.2307/1959090
34. Macintyre A. Moral dilemmas // Philosophy and Phenomenological Research, 1990. Vol. 50. Supplement. P. 367–382. doi:10.2307/2108048
35. Maggu G., Sharma S., Jaishy R., Jangid S. COVID-19 moral dilemmas viewed through Eastern and Western philosophy // Industrial Psychiatry Journal. 2021. Vol. 30. Supplement 1. P. S273–S276. doi:10.4103/0972-6748.328828
36. McCracken L.M., Badinlou F, Buhrman M, Brocki K.C. Psychological impact of COVID-19 in the Swedish population: Depression, anxiety, and insomnia and their associations to risk and vulnerability factors // European Psychiatry. 2020. Vol. 63(1). doi:10.1192/j.eurpsy.2020.81
37. Policy Responses to the Coronavirus Pandemic // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/policy-responses-covid> (Accessed 14.01.2022).
38. Poundstone W. Prisoner's Dilemma. New York: Anchor, 1993.
39. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1971.

40. Recovery During a Panedmic. World Economic Outlook. October 2021 // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021> (Accessed 14.01.2022).
41. Romero-Rivas C., Rodríguez-Cuadrado S. Moral decision-making and mental health during the COVID-19 pandemic // PsyArXiv Preprints. 2020. doi:10.31234/osf.io/8whkg
42. Tutić A., Krumpal I., Haiser F. Triage in Times of COVID-19: A Moral Dilemma // Journal of Health and Social Behavior. 2022. Vol. 63(4). P. 560–576. doi:10.1177/00221465221080958
43. Valera L., Carrasco M., Castro R. Fallacy of the last bed dilemma // Journal of Medical Ethics. 2022. Vol. 48(11). P. 915–921. doi:10.1136/medethics-2021-107333

References

1. Aleksina T.A. Etika globaliziruyushchegosya mira [Ethics of the Globalising World]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya = RUDN Journal of Philosophy*, 2013, no. 3, pp. 64–74. (In Russ.).
2. Apressyan* R.G. Svoboda: opyty osmysleniya i perezhivaniya [Freedom: Understanding and Experiences] [Elektronnyi resurs]. *Eticheskaya mysl' = Ethical Thought*, 2017. Vol. 17, no. 1, pp. 56–69. doi:10.21146/2074-4870-2017-17-1-56-69 (In Russ.).
3. Winkelman A.M. Lozhnye dilemmy moral'noi filosofii: o romane U. Stairona "Vybor Sofi" [False Dilemmas of Moral Philosophy: On the William Styron's Novel "Sophie's Choice"]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2017. Vol. 1, no. 2, pp. 187–198. (In Russ.).
4. Gobbs T. Levafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo. In Gobbs T. *Sochineniya: V 2 t. T. 2*. Moscow: Mysl', 1991. (In Russ.).
5. Granovskaya O.L. Isaiya Berlin i neogobbsianstvo: interpretatsiya publichnoi ratsional'nosti [Isaiah Berlin and neo-hobbesians: interpretation of public rationality]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2015, no. 10, pp. 194–196. (In Russ.).
6. Enikolopov S.N., Medvedeva T.I., Boyko O.M., Vorontsova O.Yu., Kazmina O.Yu. Prinyatie moral'nykh reshenii vo vremena pandemii COVID-19 [Moral decision-making during the COVID-19 pandemic] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2020, no. 4, pp. 22–43. doi:10.11621/vsp.2020.04.02 (In Russ.).
7. Kabanov K.V. Osobennosti rekonstruktsii situatsii moral'nogo vybora, osushchestvlyayushchegosya v sferakh sotsial'nogo vzaimodeistviya, reguliruemyimi raznymi normativnymi sistemami [Peculiarities of Reconstruction of a Situation of the Moral Choice, which is Unfolding in the Spheres of Social Interaction, regulated by Different Normative Systems] [Elektronnyi resurs]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki = Scientific Review. Series 2. Human Sciences*, 2018, no. 2-3, pp. 96–111. doi:10.26653/2076-4685-2018-2-3-08 (In Russ.).
8. Kahneman D., Tversky A. Ratsional'nyi vybor, tsennosti i freimy [The rational choice, values and frames]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2003. Vol. 24, no. 4, pp. 31–42. (In Russ.).
9. Komkova E.I., Konon S.N. Irratsional'nost' vybora v zavisimosti ot svoistv lichnosti studentov raznykh spetsial'nostei [Irrationality of choice depending of personality of students of different specialities]. *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii = Innovative Educational Technologies*, 2016, no. 2 (46), pp. 31–36. (In Russ.).
10. Krushelnitskaya O.B., Marinova T.Y., Pogodina A.V., Raskhodchikova M.N., Tolstykh N.N. Normativnoe povedenie v situatsii pandemii COVID-19: kak dobit'sya ego soblyudeniya u studentov? [Regulatory Behavior in the COVID-19 Pandemic: How to Get Students to Comply with It?] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 198–221. doi:10.17759/sps.2021120113 (In Russ.).

* Entered by the Ministry of Justice of the Russian Federation in the register of foreign agents.

11. Lukovtseva Z.V. Pandemiya COVID-19 kak sotsial'nyi stressor: faktory psikhologo-psikhiatricheskogo riska (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [The COVID-19 Pandemic as a Social Stressor: Psychological and Psychiatric Risk Factors (Based on Foreign Studies)] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 13–25. doi:10.17759/sps.2020110402 (In Russ.).
12. Makintair A. Posle dobrodeteli: issledovaniya teorii morali. Moscow; Yekaterinburg, 2000. (In Russ.).
13. Pervushina O.N., Shabalin A.P. Pandemiya COVID-19: obzor pervykh publikatsii [COVID-19 Pandemic: A Review of the First Publications] [Elektronnyi resurs]. *Reflexio*, 2020. Vol. 13, no. 2, pp. 5–29. doi:10.25205/2658-4506-2020-13-2-5-29 (In Russ.).
14. Pervushin N.S. "Dvoynye poslaniya" (double bind) v rossiiskikh media v period epidemii COVID-19 [Double Bind in Russian Media during the COVID-19 Epidemic] [Elektronnyi resurs]. *Reflexio*. 2020. Vol. 13, no. 2, pp. 44–65. doi:10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65 (In Russ.).
15. Poddiakov A.N., Plyaskina A.S. Initsiativnaya samorefleksiya pri reshenii moral'noi dilemmy (na materiale zadachi "Aziatskaya bolezni"). *Mir psikhologii = The World of Psychology*, 2018, no. 3, pp. 96–104. (In Russ.).
16. Razin A.V. Moral'nye dilemmy [Moral Dilemmas]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya = RUDN Journal of Philosophy*, 2014, no. 2, pp. 66–82. (In Russ.).
17. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from Freedom]. Moscow: Progress, 1989. (In Russ.).
18. Hauser M.D. Moral' i razum: kak priroda sozdavala nashe universal'noe chuvstvo dobra i zla [Moral Minds: How Nature Designed Our Universal Sense of Right and Wrong]. Moscow: Drofa, 2008. (In Russ.).
19. Shabalin A.P., Pervushina O.N. Problema moral'nogo vybora: mezhdistsiplinarnyi podkhod [The problem of moral decision making: an interdisciplinary approach]. *Reflexio*, 2017. Vol. 10, no. 2, pp. 37–56. (In Russ.).
20. Baier K. The Rational and the Moral Order. The Social Roots of Reason and Morality. Chicago, 1995.
21. Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach. *Journal of Political Economy*, 1968. Vol. 76, no. 2, pp. 169. doi:10.1086/259394
22. Carron R., Blanc N., Brigaud E. Contextualizing sacrificial dilemmas within Covid-19 for the study of moral judgment. *PLOS ONE*, 2022. Vol. 17, no. 8. doi:10.1371/journal.pone.0273521
23. Chater N. Facing up to the Uncertainties of COVID-19. *Nature Human Behaviour*, 2020. Vol. 4, no. 5, pp. 439. doi:10.1038/s41562-020-0865-2
24. Chorus C.G. Models of moral decision making: Literature review and research agenda for discrete choice analysis. *Journal of Choice Modelling*, 2015. Vol. 16, pp. 69–85.
25. Christensen J.F., Gomila A. Moral dilemmas in cognitive neuroscience of moral decision-making: A principled review. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 2012. Vol. 36, pp. 1249–1264.
26. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU). *The Johns Hopkins Coronavirus Resource Center*. URL: <https://origin-coronavirus.jhu.edu/map.html> (Accessed 14.01.2022).
27. Donagan A. The Theory of Morality. Chicago: The University of Chicago Press, 1977.
28. Everett J.A.C. et al. Moral dilemmas and trust in leaders during a global health crisis. *Nature Human Behaviour*, 2021. Vol. 5, no. 8, pp. 1074–1088. doi:10.1038/s41562-021-01156-y
29. Excess mortality during COVID-19. *Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/excess-mortality-covid> (Accessed 14.01.2022).
30. Francis K., McNabb C. Moral Decision-Making During COVID-19: Moral Judgements, Moralisation, and Everyday Behaviour. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 12. doi:10.3389/fpsyg.2021.769177
31. Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D., Darley J.M., Cohen J.D. The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. *Neuron*, 2004. Vol. 44, no. 2, pp. 389–400. doi: 10.1016/j.neuron.2004.09.027
32. Hale T., Angrist N., Goldszmidt R. et al. A global panel database of pandemic policies (Oxford COVID-19 Government Response Tracker). *Nature Human Behaviour*, 2021. Vol. 5, pp. 529–538. doi:10.1038/s41562-021-01079-8
33. Harsanyi J. Can the Maximin Principle Serve as a Basis for Morality? A Critique of John Rawls's Theory. *American Political Science Review*, 1975. Vol. 69, no. 2, pp. 594–606. doi:10.2307/1959090

34. Macintyre A. Moral dilemmas. *Philosophy and Phenomenological Research*, 1990. Vol. 50. Supplement, pp. 367–382. doi:10.2307/2108048
35. Maggu G., Sharma S., Jaishy R., Jangid S. COVID-19 moral dilemmas viewed through Eastern and Western philosophy. *Industrial Psychiatry Journal*, 2021. Vol. 30. Supplement 1, pp. S273–S276. doi:10.4103/0972-6748.328828
36. McCracken L.M., Badinlou F, Buhrman M, Brocki K.C. Psychological impact of COVID-19 in the Swedish population: Depression, anxiety, and insomnia and their associations to risk and vulnerability factors. *European Psychiatry*, 2020. Vol. 63, no. 1. doi:10.1192/j.eurpsy.2020.81
37. Policy Responses to the Coronavirus Pandemic. *Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/policy-responses-covid> (Accessed 14.01.2022).
38. Poundstone W. Prisoner's Dilemma. New York: Anchor, 1993.
39. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1971.
40. Recovery During a Panedmic. World Economic Outlook. October 2021. *International Monetary Fund*. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021> (Accessed 14.01.2022).
41. Romero-Rivas C., Rodríguez-Cuadrado S. Moral decision-making and mental health during the COVID-19 pandemic. *PsyArXiv Preprints*, 2020. doi:10.31234/osf.io/8whkg
42. Tutić A., Krumpal I., Haiser F. Triage in Times of COVID-19: A Moral Dilemma. *Journal of Health and Social Behavior*, 2022. Vol. 63, no. 4, pp. 560–576. doi:10.1177/00221465221080958
43. Valera L., Carrasco M., Castro R. Fallacy of the last bed dilemma. *Journal of Medical Ethics*, 2022. Vol. 48, no. 11, pp. 915–921. doi:10.1136/medethics-2021-107333

Информация об авторах

Первушин Николай Сергеевич

магистр социологии, старший преподаватель, кафедра психологии личности, младший научный сотрудник, Междисциплинарный центр прикладного анализа поведения, Институт медицины и психологии В. Зельмана, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>; e-mail: nickd17@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay S. Pervushin

MA in Sociology, Senior Lecturer, Department of Personality Psychology, Junior Researcher, The Center for Behavior Analysis, V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4413-0205>; e-mail: nickd17@yandex.ru

Получена 13.05.2023

Received 13.05.2023

Принята в печать 20.06.2023

Accepted 20.06.2023